

Пастырь добрый.

«Рус. В.» приводятъ выдержки изъ предсмертнаго письма погибшаго въ бою прапорщика, московскаго пом. присяжнаго повѣреннаго М. Е. Сироткина о героѣ священникѣ о. Аѳанаси Турундаевскомъ О. Аѳанасій—вологодчанинъ, сынъ священника Крестоводвиженской Закубенской церкви, вологодскаго уѣзда; до войны былъ настоятелемъ Зосимо-Савватіевской церкви, тотемскаго уѣзда (въ Кокшеньгѣ). Въ началѣ войны добровольно оставилъ приходъ и ушелъ въ армию Нынѣ значитъ ся въ числѣ «безъ вѣсти провавшихъ».

Вотъ, что рассказываетъ о немъ Сироткинъ:

«Эго было въ П., гдѣ стоялъ штабъ нашего отряда. Къ намъ пріѣхалъ молодой священникъ. Разговорились. Съ первыхъ словъ въ немъ сказались глубокая вѣра въ свое дѣло пастыря. «Я пріѣхалъ сюда по доброй волѣ, потому что знаю и люблю народъ. Я знаю, какъ подойти къ солдату»...

Когда передъ вторженіемъ нѣмцевъ въ Курляндію, на нашемъ фронтѣ начались стычки и въ мѣстечкѣ Р. разгорѣлся бой, онъ отправился туда. Наши были окружены нѣмцами. Отецъ Аѳанасій бросился туда, въ сферу шрапнельнаго и пулеметнаго огня. «Братцы, я—впередѣ, у меня святой крестъ, за нимъ его святая сила». И солдаты пошли за нимъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его на томъ же фронтѣ въ день наступленія нѣмцевъ. Нѣмцы уже подходили къ Митавѣ. О. Аѳанасій пріѣхалъ къ намъ въ К. днемъ. Въ лѣбъ мы нѣмцевъ не пустили. Часамъ къ 6 ти нѣмцы успокоились. Наступило затишье. Силуэты ихъ цѣпей исчезли изъ нашего поля зрѣнія. Въ 8-мъ часу мой телефонъ пересталъ работать. Я послалъ исправить линію, такъ какъ иной связи съ начальникомъ отряда не было. Посланный не вернулся. Мы встревожились.

Въ то время въ нашемъ блиндажѣ появился о. Аѳанасій. «Ну, вотъ я къ вамъ съ Господнимъ благословеніемъ пришелъ». И стоитъ на верхѣ бруствера. «Батюшка, спуститесь ниже!»— «Ничего, и здѣсь постою. А вонъ, смотрите, кто то идетъ». Я поднялся и на разстояніи шаговъ 150 отъ окопа увидѣлъ черной силуэтъ неприятельской цѣпи, заходящей намъ въ тылъ.

«Батюшка, уходите, я сейчасъ открою пулетный огонь, они отвѣтятъ, и вы можете быть ранены».

Пока я говорилъ это, мои прикрытія и сосѣднія цѣпи покинули фронтальный окопъ.

«Господи, да вѣдь мы одни,—оглянулся я. Вокругъ были 6 моихъ пулеметчиковъ, батюшка и фельдшеръ, бывший съ ними.

«Ну, братцы, мужайтесь... по цѣпи»...

Отецъ Аѳанасій вытаскиваетъ крестъ; мы съ двумя солдатами цѣлуемъ крестъ, цѣлуемся съ батюшкой. Остальные вытаскиваютъ пулеметъ, наводятъ при свѣтѣ мѣсяца. Германцы приближаются, врадучись... «Уходите же, батюшка»...— «Господь васъ не оставитъ»;—были послѣднія слова его. Оазъ исчезъ въ ходѣ сообщенія. «Огонь!» И первая цѣпь нѣмцевъ легла.

Какъ мы вышли изъ кольца, я не помню, потому что дѣйствовалъ въ полубезуствѣ. Пули, проносясь мимо, обдували лицо, цѣпляли за одежду. Помню только, что я все время твердилъ пяти своимъ солдатамъ... эти ожегшія меня слова: «Господь васъ не оставитъ». Когда я вышелъ къ своимъ, первымъ вопросомъ было: «Гдѣ батюшка?». «Его нѣтъ».

Этими неискусными словами, заканчиваетъ свой рассказъ Сироткинъ: «я хотѣлъ положить вѣнокъ на память безвѣстнаго для васъ въ тылу героя, безвѣстнаго и для насъ теперь, потому что, какъ говорятъ казенный языкъ, отецъ Аѳанасій «пропалъ безъ вѣсти».